

Память

Мой дорогой учитель

В канун столетия Сергея Михайловича Эйзенштейна мне довелось встретиться с Лидией Королевой, единственной актрисой, в чьем дипломе стоит его подпись. Лидия Георгиевна начинала учебу во ВГИКе в мастерской Эйзенштейна, но со временем увлеклась актерской профессией, снялась в фильмах "Убийство на улице Данте", "Варвара-краса, длинная коса", "Посейдон" спешит на помощь", "Казаки-разбойники", стала одним из организаторов труппы "Синяя птичка" в Театре-студии киноактера.

Я не ставила перед собой задачи исследовать творчество Эйзенштейна. О нем написано множество книг, статей, искусствоведческих работ. Я просто решила вспомнить те эпизоды из его жизни, о которых может быть, никто не знает.

1938 год. ВГИК. Бывший ресторан "Яр", ныне – гостиница "Советская". Эйзенштейн проводил семинары и читал лекции режиссерам, среди которых были Ромм, Райзман, Пудовкин, Довженко, Калатозов. И вот пришло распоряжение правительства – объявить набор молодежи на режиссерский факультет, что и было исполнено в декабре 38-го.

Конкурс был грандиозный. Приемная комиссия: Эйзенштейн, Кулешов, Новосельцев, Галаджев, Оболенский, Хохлова, Телешева. С января начались занятия в мастерской Сергея Михайловича. Нельзя сказать, что он требовал от студентов чего-то невозможного. Но ему и в голову не могло прийти, что мы чего-то не знаем. Так что нам постоянно приходилось "быть на подхвате" у его эрудиции. К началу занятий курс состоял из сорока человек. Через семестр – из двадцати восьми. К третьему курсу осталось всего четырнадцать.

Актерское мастерство вела актриса МХАТ Е.С.Телешева – жена Сергея Михайловича. Не знаю, помнил ли он мое имя, так как величал меня "Кралевной". Входя в аудиторию, он неизменно спрашивал: "Кралевна здесь?" "Здесь", – робко отвечала я. "Тогда начинаем!" Занятия он начинал с Золя, со знаменитой серии "Ругон-Маккары". Мы должны были выбрать любой роман из серии, из романа – главу, и работать, то есть переводить материал на язык кино – раскадровывать. А на втором курсе Сергей Михайлович увлекся Вагнером.

Самым любимым учеником Сергея Михайловича стал Миша Швейцер. Мэтр возлагал на него большие надежды и не ошибся.

В начале 41-го года ВГИК переехал в район ВДНХ. 19 июня я успешно сдала работу по актерскому мастерству за третий курс, а через три дня началась война. В октябре "Мосфильм" и ВГИК были эвакуированы в Алма-Ату, где была организована единая киностудия "ЦОКС". Там же я перешла на актерский фа-

культет, что не очень одобрил Сергей Михайлович. Но я попала в хорошие руки – к Ольге Пыжковой и Борису Бибикову. Эйзенштейн же продолжал заниматься с остатками режиссерского курса (некоторые студенты ушли на фронт, некоторые остались в Москве). Мастер приступил к съемкам "Ивана Грозного".

Студенты были голодные, разутые-раздетые. Естественно, Эйзенштейн не возражал, чтобы они снимались в массовках, так что мое общение с ним продолжалось. Надо ли говорить, как мы все следили за его работой в павильоне. В то же время, работая на своем факультете над отрывком из "Ромео и Джульетты" в роли Кормилицы, я сорвала голос. Надо было срочно лечиться, доставать горячее молоко и инжир. Денег нет. Решилась обратиться к Сергею Михайловичу. Пришла в павильон: он сидит и что-то темпераментно объясняет актеру. Я нагнулась к его уху и тихо попросила денег на лечение горла. Ноль внимания. Ну, думаю, бесполезно, он весь в работе. Я угрюмо повернулась и пошла прочь. Вдруг слышу окрик: "Кралевна! Кралевна!" Меня догоняет его помощник Борис Свешников и сует деньги от Сергея Михайловича: "Как он сказал – на горло". Со временем выяснилось, что за помощью к нему обращались многие. Вспоминаются и курьезные случаи.

Дело в том, что хлеба, который выдавался по карточкам (400 г) ни одному студенту не хватало. Тогда студенты-художники стали рисовать фальшивые талоны. Как они потрясающе это делали! Отличить от оригинала было почти невозможно. И все-таки один из них попался (не буду называть его имя, ибо сейчас он известный художник, профессор). Его забрали в милицию. Ребята-художники кинулись к Эйзенштейну с просьбой выручить товарища. Потасовали его к начальнику отделения, которому режиссер спокойно заявил: "Если вы не отпустите этого человека, погибнет все советское киноискусство. Он самый талантливый".

– Да? А вы кто же будете?

– Я Эйзенштейн.

– Ясно. Больше вопросов не имею.

Сергей Михайлович обладал убедительным чувством юмора. Поэтому бывает очень грустно, когда все вокруг делают из него бесконечный теоретический конспект. Помню, на съемках "Ивана Грозного" крутился около него известный сценарист и режиссер Мачерет. Он постоянно отвлекал Эйзенштейна, не давал сосредоточиться. И Сергей Михайлович на обороте декорации из туго натянутых холстов крупно черным углем написал: "Здесь не мачеретиться!"

Уже в конце 44-го, в Москве я заканчивала ВГИК. На дипломный экзамен по актерскому мастерству пришел Сергей Михайлович: "Я ее принимал, я ее и выпущу", – сказал он и подписал мой диплом. Так я стала единственной актрисой кино с дипломом, где стоит его подпись.

Записал Сергей КАПКОВ